

Юй Тао наблюдал, как этот маститый актёр снимается в сцене с Цзянь Цянем, и чем дольше смотрел, тем сильнее росло раздражение. Цзянь Цянь никогда не был человеком конфликтным — так с чего же этому типу травить его за то, что он просто излучает свет, который никак не угасить? Это было несправедливо, и Юй Тао это злило.

Только вот что делать — он понятия не имел. Мир кино и сцены был ему совершенно чужим. Сколько бы лет культивации ни стояло за плечами, сколько бы сил ни накопилось, — в людские интриги это не помогало. Здесь всё было иначе.

Именно тогда в голове всплыло одно имя.

Цинь Юэмин.

Когда тот приходил в прошлый раз, вид у него был самый уверенный — мол, любую проблему решу. Может, и сейчас справится с этим ветераном?

Дождавшись, пока поздно ночью Цзянь Цянь зайдёт в душ, Юй Тао достал телефон и набрал номер.

Звонок ещё не успел дойти, как что-то изменилось. Цзянь Цянь возник рядом — будто из воздуха. Волосы мокрые, с кончиков капает, тело едва обтёртое. Влажные пальцы сомкнулись на запястье Юй Тао, телефон в руке, лицо — тёмная туча.

— Ты как... — Юй Тао не договорил.

В следующую секунду телефон полетел на диван, а сам он оказался прижат к кровати.

— Почему ты звонишь Цинь Юэмину? — спросил Цзянь Цянь.

Руки Юй Тао были прижаты к матрасу, но он и не думал сопротивляться — просто смотрел с искренним недоумением.

— Что за реакция вообще?

— Ты хотел попросить его разобраться с тем актёром? — Цзянь Цянь не отступал.

Юй Тао поморщился, во взгляде мелькнуло раздражение.

— Хотел. Но это пока что исключительно мои мысли — я ещё даже не позвонил, не поговорил с

ним, не знаю, есть ли у него вообще какие-то идеи. Нельзя же утверждать, что раз я так подумал, то Цинь Юэмин уже готов всё решить...

Договорить ему не дали. Цзянь Цянь накрыл его рот своим — долго, основательно, — и лишь потом отпустил.

Юй Тао вырвался из его захвата, брови сведены, в голосе — плохо скрытое раздражение.

— Что вообще происходит?

Цзянь Цянь навис над ним, одна рука у виска, другая крепко обнимает за плечи. Всем телом — сверху вниз, почти не двигаясь.

— Не хочу, чтобы ты шёл к Цинь Юэмину, — произнёс он, и в голосе была обида, не злость.

Юй Тао уставился в его затылок. Понял: ну и капризы же. Злиться не злился, но усталость накатила.

— Не хочешь — хорошо, я слышу. Но скажи нормально, по-человечески. А то я уж подумал, ты драться лезешь.

Плечи Цзянь Цяня дёрнулись — смех, беззвучный, но ощутимый. Он чуть сполз вниз, и Юй Тао почувствовал щекотку там, где его волосы касались кожи.

— Я с тобой не буду драться... Старший брат.

Юй Тао подумал и признал: да, если вспомнить их стычки, почти всегда именно он сам их затевал. Цзянь Цянь никогда не лез первым.

— Тогда слезь с меня сначала, — сказал он. — Хочешь разговаривать — высуши сначала волосы.

За те несколько минут его одежда уже успела намокнуть там, где к ней прижимались мокрые пряди. Казалось, Цзянь Цянь принял его за полотенце.

Тот поднялся, поймал с кровати первое попавшееся полотенце, кое-как прошёлся по голове, а потом обмотал его вокруг бёдер. Вот тут Юй Тао и понял: Цзянь Цянь вышел из душа совершенно голым.

«Он вообще мыться закончил?»

— Помылся уже? — спросил он с подозрением.

— Да-да, всё чисто, — отмахнулся Цзянь Цянь. — Ну мы же вообще-то можем не мыться — какая разница...

Это была правда. Но привычки обычных людей прилипли намертво.

Юй Тао встал рядом, внутри всё кипело. Постель теперь тоже мокрая!

— Ну ты даёшь. И что с того, что я позвоню Цинь Юэмину?

Цзянь Цянь надул губы и, продолжая утирать голову, сказал с недовольством:

— Ничего хорошего. Ты же знаешь, что он неровно дышит к тебе. Сам придёшь — он тут же выставит условия.

— Не надо думать о людях так плохо. Может, и не выставит.

Юй Тао скрестил руки на груди.

— Даже если выставит — я же могу сам решить, нужна мне его помощь или нет?

Цзянь Цянь посмотрел на него.

— Но ты уже подумал о нём... Старший брат, ты же сам говорил, что проблема не во мне. Зачем тогда искать кого-то на стороне?

Юй Тао смолчал.

Правда была такая: каждый раз, глядя на площадке, как этот маститый актёр ведёт себя с Цзянь Цянем, у него сжималось что-то внутри от несправедливости. Человек использует свой статус, чтобы давить на другого — это же просто возмутительно. Тогда и пришла мысль: а что, если противопоставить ему то же самое — общественное мнение? Цинь Юэмин, кажется, умеет с этим работать. Когда Цзянь Цяня травили в сети, он сам вызвался помочь — значит, и здесь мог бы что-то придумать.

Но заговорить не успел — Цзянь Цянь уже всё перехватил. Очевидно, он и слышать не хотел ни о каком Цинь Юэмине.

Тот уже переоделся в пижаму и сидел на краю кровати с довольным видом, который почему-то раздражал куда сильнее любой открытой грубости.

— Сам-то ты думал, что делать? — не выдержал Юй Тао. — Или снова будешь всё пускать на самотёк? Я за тебя места не нахожу!

— Ты за меня переживаешь, — поправил Цзянь Цянь с улыбкой. — Но ты сам же говорил: дело не во мне. Тогда зачем переживать? Раньше, помню, ты не был таким... нетерпеливым.

Юй Тао понял, к чему тот клонит.

— Ты хочешь сказать, что я привязался к тебе, полюбил тебя, и именно поэтому мне так беспокойно?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Да, я всё время думаю о тебе! Признаю. Потому что ты мой младший брат! Единственный близкий человек в этом мире. Как мне не думать о тебе?

Цзянь Цянь понял сразу: вот и нарвался. Перестарался.

Он давно ощущал, что Юй Тао всё же что-то чувствует к нему — что-то большее, чем просто братская забота: боль за него, то тепло, которое бывает только между двумя людьми, которые нужны друг другу иначе. Но каждый раз, когда Цзянь Цянь пытался нащупать это, что-то было не так. Он и сам не пытался давить — просто шёл по течению. Но сейчас явно перегнул.

— Как мне не беспокоиться о тебе? — продолжал Юй Тао. — С самого детства ты был рядом. Всегда. Разве я могу смотреть равнодушно, если с тобой что-то не так?

Цзянь Цянь встал. Молча взял его руку — крепко, двумя руками.

— Не это. Мне нужно не это... Но я не буду заставлять тебя чувствовать то, чего ты не чувствуешь. Это я виноват — торопился. Прости, старший брат. Это я должен был раньше всё разрешить, а не давать тебе повод тревожиться.

Только сейчас он осознал, что был неправ. Юй Тао уже здесь, рядом. Чего ещё требовать?

Но чем дольше настоящий Юй Тао был с ним, тем распухшее становился Цзянь Цянь — будто знал, что тот никуда не денется, и потому позволял себе всё, что хотел. Капризничал. Выходил за рамки.

А на чём держалась эта уверенность? На том, что без него Юй Тао не знал бы, куда идти и что делать. На том, что он был нужен.

От этой мысли стало неловко. Рука не отпускала — будто боялась, что стоит Юй Тао понять этот расчёт, как он сам уйдёт.

Юй Тао этого, впрочем, не заметил. Не понял ни его прежнего ребячества, ни нынешнего стыда.

Зато подумал: не переборщил ли сам? Не напугал ли его своей резкостью?

— Не горячись, — сказал вдруг Цзянь Цянь. — Он каждый день цепляется ко мне — это правда. Но посмотри на результат: его съёмочный темп давно просел, он сам себя тормозит. А мои сцены — все закрыты. Если дойдёт до того, что я откажусь сниматься с ним в одном кадре, группа найдёт дублёра и не скажет мне ни слова...

Юй Тао слушал с недоверием.

— Серьёзно?

— Старший брат, — продолжал Цзянь Цянь, — лучше смотри на меня, а не на него. Да, он давит. Но разве он повлиял на мою работу? Нет. На моё настроение? Тоже нет. Я всё время смотрю на тебя. Но если ты из-за него выходишь из себя — значит, это я виноват, что не разобрался с этим сразу.

— Что, — усмехнулся Юй Тао, — намекаешь, что я не умею держать себя в руках?

— Нет-нет, — поспешно сказал Цзянь Цянь. — Просто мне жаль, что ты вынужден за меня беспокоиться. Это я не додумал.

Юй Тао помолчал.

Потом понял: он и сам был не прав. Кинулся решать, как будто не верил, что Цзянь Цянь справится. Снова обращался с ним как с тем маленьким учеником, что когда-то семенил следом. А тот, в ответ, взял вину на себя — мол, сам не справился, поэтому старший брат и разволновался.

Оба оказались не правы. И молчание, повисшее между ними, было таким, что, казалось, даже воздух в комнате притих — как будто вздыхал.

Первым нарушил его Цзянь Цянь. Потянул Юй Тао к себе и сказал просто:

— Старший брат, ляжем сегодня вместе.

Юй Тао хотел было отказать. Но вспомнил, что сам первым завёл этот разговор, и согласился.

Цзянь Цянь просиял — как ребёнок, которому дали конфету. Обхватил его шею руками и прижался.

— Так что не думай о нём, старший брат. Скоро он пожнёт то, что посеял. Ко мне это всё не прилипнет.

— А если он сильнее разойдётся?

Цзянь Цянь фыркнул.

— После этого проекта все поймут, что он из себя представляет. С таким человеком больше никто не захочет работать. Да и сейчас — он думает, что обижает меня одного. А на самом деле успел перейти дорогу всей группе. Он, видимо, понятия не имеет, кто стоит за финансированием этого проекта. Привык куражиться — значит, и раньше успел нажить себе врагов. Пока никто не сказал вслух. Но стоит первому заговорить...

Он не договорил — и так всё было понятно.

Юй Тао смотрел на него.

— Ты уверен? Ты что, будущее видишь?

— Нет, — без тени смущения ответил Цзянь Цянь. — Но с таким запасом культивации — хочется думать, что шестое чувство немного прокачалось.

Юй Тао не сдержал смех.

— Культивация для этого точно не предназначена.

— Тогда, старший брат, — спросил Цзянь Цянь, — ты мне веришь?

Юй Тао посмотрел в его глаза. Тёмные, бездонные — не угадать, что там на дне.

— Да. Отныне — всегда.

Цзянь Цянь расхохотался.

<http://bllate.org/book/17551/1714666>